

Абстракция деятельности в труд — это плетение капитализма.

Здесь мы обратимся к Марксу. Мы должны это сделать. Это не извинение, а признание того, что некоторые читатели (если таковые вообще найдутся) могут смотреть на Маркса с неохотой. Нынешняя волна борьбы против капиталистической глобализации уделяла сравнительно мало внимания марксистской теории, и большая часть работ, написанных в марксистской традиции, отошла от движения борьбы. Аргументируя ранее, я настаивал на том, что важно исходить из конкретной борьбы — трещин в капиталистическом господстве — вместо того, чтобы исходить из анализа капитализма в целом, как это делала большая часть работы в марксистской традиции. Это не потому, что я отвергаю марксизм, а, наоборот, потому что я понимаю марксизм как критику, растворитель, кислоту, разъедающую социальные жесткости, противостоящие нам — по-видимому, неподвижную систему, с которой мы продолжаем сталкиваться. На нынешней стадии аргументации это именно то, что нам нужно — кислота, растворяющая твёрдость социального синтеза, постоянно подавляющего нас. В дальнейшем я предположу, что ключевым моментом в растворяющей силе марксизма является двойственная природа деятельности.

У Маркса, критикующего капитализм, «двойственный характер труда» (как он это называл) был центральным моментом. В начале второго раздела первой главы тома I «*Капитала*» Маркс довольно чётко заявляет: «Этот момент [двойственный характер труда, заключающийся в товарах] является отправным пунктом, от которого зависит понимание политической экономии» (Marx 1867/1965: 41; 1867/1990: 132)^[1]. После публикации первого тома он написал Энгельсу (Marx 1867/1987: 407): «Самое лучшее в моей книге: 1) двойственный характер труда в зависимости от того, выражается ли он в потребительной или в меновой стоимости. (На *этом* основывается всё понимание фактов. Подчёркнуто это уже в *первой* главе)^[2]». Несмотря на силу и выдающееся значение, которые Маркс придавал данному пункту, в марксистской традиции он практически не упоминался (поэтому отстаивание его важности ведёт к неизбежному перечитыванию Маркса).

Маркс представляет идею двойственного характера труда в своей юношеской работе «Философские и экономические рукописи 1844 года». Один из самых известных (и важных) отрывков в его трудах — это раздел об отчуждённом труде. Чтобы понять «внутреннюю связь» (Marx 1844/1975b: 271) между явлениями капиталистического общества, Маркс обращается к труду, в том виде, в котором он существует в капиталистическом обществе. Маркс характеризует его, как разобщённый или отчуждённый труд: «Объект, который производит труд, его продукт, выступает против него как *нечто чуждое*, как *сила, независимая* от производителя» (там же: 274). Это отчуждение является не только конечным результатом труда, но присуще и самому процессу труда:

Но отчуждение проявляется не только в результате, но и в *акте производства*, в самой *производственной деятельности*. Как мог бы рабочий встретиться лицом к лицу с продуктом своей деятельности в качестве чужака, если бы в самом акте производства он не отчуждался от самого себя? ... Если же продукт труда есть отчуждение, то само производство должно быть активным отчуждением, отчуждением деятельности, деятельностью отчуждения (Marx 1844/1975b: 274).

Труд в качестве отчуждённого труда — это отделение нас от самих себя, разрывание на части себя и своей деятельности.

Именно благодаря нашему отчуждённому труду мы производим нашего хозяина. Маркс говорит о работнике, который выполняет отчуждённый труд:

Точно так же, как он создаёт свое собственное производство как потерю своей реальности, как своё наказание; свой собственный продукт как потерю, как продукт, не принадлежащий ему; так же он создаёт господство человека, который не производит, над производством и над продуктом. Точно так же, как он отчуждает свою собственную деятельность от самого себя, так он наделяет чужака деятельностью, которая не является его собственной ... Отношение рабочего к труду создаёт отношение к нему капиталиста (или как там ещё называют хозяина труда) (Marx 1844/1975b: 279).

Рабочий производит хозяина не просто любой формой деятельности, а выполняя разобщённый или отчуждённый труд.

Маркс сосредотачивается на отчуждённом труде, но само понятие подразумевает контраст с неотчуждённым трудом (или, как мы могли бы сказать, неотчуждённой деятельностью). Маркс не использует термины «неотчуждённый труд» или «неотчуждённая деятельность», но он говорит об отчуждении как отчуждении сознательной жизнедеятельности человека:

Свободная, сознательная деятельность есть видовой характер человека ... Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности ... Животное, правда, тоже производит. Оно строит себе гнездо или жилище, как это делают пчела, бобр, муравей и т.д. Но животное производит лишь то, в чем непосредственно нуждается оно само или его детёныш; оно производит односторонне, тогда как человек производит универсально: оно производит лишь под властью непосредственной физической потребности, между тем как человек производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от неё ... Поэтому именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как родовое существо. Это производство есть его деятельная родовая жизнь ... Поэтому отчуждённый труд, отнимая у человека предмет его производства, тем самым отнимает у него его родовую жизнь, его действительную родовую предметность, а то преимущество, которое человек имеет перед животным, превращает для него в нечто отрицательное, поскольку у человека отбирают его неорганическое тело, природу (Marx 1844/1975b: 276–7).

Маркс не останавливается на сознательной жизнедеятельности: это другая сторона, тёмная сторона луны, неизбежная точка отсчёта концепции отчуждённого труда, но точка отсчёта, которая влачит довольно призрачное существование в качестве утраченной истины человечества, в качестве потенциального будущего, в качестве текущей борьбы. Это отчуждённый труд, находящийся на переднем плане. Труд (отчуждённый труд) — это то, что мы отвергаем: это деятельность, которую мы не контролируем, деятельность, которая производит хозяина, которая производит капитал. (Отчуждённый) труд — это враг: мы не хотим трудиться. Но на заднем плане есть ещё одна возможность (потенциал?.. мечта?..) — заниматься свободной, сознательной деятельностью, сознательной жизнедеятельностью.

Здесь есть не просто контраст, а антагонизм: между отчуждённым трудом и сознательной жизнедеятельностью. Маркс не обсуждает действительный статус сознательной жизнедеятельности^[3]. Отчуждённый труд ясно виден в качестве действительной реальности капиталистического общества, но каков конкретно статус сознательной жизнедеятельности? Является ли она потенциальным будущим (жизнью при коммунизме) или борьбой в настоящем? Конечно, деятельность против труда, характерная для наших трещин, *стремится* стать сознательной жизнедеятельностью — жизнедеятельностью, преодолевающей различие между трудом и не-трудом и подталкивающей к сознательному определению.

В «*Капитале*» Маркс больше не говорит об отчуждённом труде и сознательной жизнедеятельности, но, как мы видели, он помещает «двойственный характер труда» в самый центр своей критики политической экономии. «Двойственный характер труда» относится к различию между полезным или конкретным трудом и абстрактным трудом.

Полезный (или конкретный) труд производит потребительные стоимости, полезные вещи. Полезный труд неотделим от его специфических качеств:

Пальто — это потребительная стоимость, которая удовлетворяет определенную потребность. Его существование является результатом особого рода производственной деятельности, характер которой определяется ее целью, способом действия, предметом, средствами и результатом. Труд, полезность которого, таким образом, представлена потребительной стоимостью его продукта или которая проявляется в превращении его продукта в потребительную стоимость, мы называем полезным трудом (Marx 1867/1965: 41; 1867/1990: 132).

Полезный труд — «производительная деятельность определённого рода и осуществляется с определённой целью» (Marx 1867/1965: 42; 1867/1990: 133). Этот тип труда «является необходимым условием существования человеческого рода, независимым от всех форм общества; он является вечной природной необходимостью, без которой не может быть никакого материального обмена между человеком и природой, а следовательно, и никакой жизни» (Marx 1867/1965: 42–3; 1867/1990: 133). Позже, говоря о трудовом процессе (процессе полезного труда), Маркс уточняет:

Процесс труда ... есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее

условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем её общественным формам (Marx 1867/1965: 183–4; 1867/1990: 290).

Данная самопоправка очень важна. Если бы полезный или конкретный труд *не зависел* от каждой социальной фазы, это подразумевало бы трансисторическую концепцию, идею того, что полезный труд можно изучать независимо от его исторических форм. Если, с другой стороны, полезный или конкретный труд является *общим* для всех социальных фаз, это подразумевает *историческую* концепцию, то есть идею, что полезный труд изменяется в каждой исторической эпохе и может быть понят только в его историческом контексте. Хотя в любом обществе необходим какой-либо полезный труд или производственная деятельность, в разных обществах эти процессы принимают различные формы — они не выходят за пределы различных социальных фаз.

В капиталистическом обществе продукты производятся не просто как потребительная стоимость — они производятся как товары, то есть, производятся для обмена. Производитель интересуется не полезностью (или потребительной стоимостью) продукта, а его пригодностью к обмену или стоимостью. Портной производит пальто не потому, что хочет его носить, а потому, что хочет его обменять. Ткач производит полотно не потому, что хочет его использовать, а потому, что также хочет его обменять. В процессе обмена между пальто и полотном соприкасаются две качественно разных конкретных, полезных труда и между ними устанавливается пропорциональная мера, такая, что 1 пальто = 20 метров полотна (к примеру). В уравнении измеряется не качественная связь между двумя различными видами деятельности, а количественная связь между двумя видами труда, рассматриваемыми *в абстракции от* их конкретных качеств. С точки зрения обмена, то есть с точки зрения стоимости, единственное, что имеет значение для труда — это его количество, а не его качество или особые характеристики. Труд, производящий стоимость — это не полезный конкретный труд, а абстрактный труд, который рассматривается в абстракции от его конкретных характеристик. Товар не может

... более рассматриваться как продукт труда столяра, каменщика, прядильщика или любого другого определенного вида производительного труда. Наряду с полезными качествами самих продуктов мы упускаем из виду как полезный характер различных видов труда, воплощенных в них, так и конкретные формы этого труда; не остается ничего, кроме того, что является общим для них всех; все сводится к одному и тому же виду труда, абстрактному человеческому труду... Труд ... который образует субстанцию стоимостей, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы (Marx 1867/1965: 38–9; 1867/1990: 128–32).

Это «абстракция, которая совершается каждый день в общественном процессе производства» (Marx 1859/1971: 129).

Таким образом, полезный или конкретный труд существует в любом обществе. В капиталистическом обществе (или, в более общем смысле, в товаропроизводящем обществе)

он приобретает особую социальную форму, форму абстрактного труда^[4]. Полезный труд продолжает существовать, но по отношению к другим видам труда он учитывается лишь количественно, поскольку определённое количество труда абстрагируется от его конкретных качеств. Когда товарами обмениваются, важна количественная связь между ними (обычно измеряемая количеством денег, которое я получаю за произведённое мною пальто). Это количественное соотношение определяется объёмом труда, необходимого для производства соответствующего товара — не только количеством времени, которое я фактически потратил на него, но и количеством рабочего времени, общественно необходимого для производства товара. Количество стоимости товара определяется общественно необходимым для производства товара рабочим временем — общественно необходимое рабочее время устанавливает *меру*, по которой сравниваются различные трудовые ресурсы. Работница может работать с любовью, заботой и искренней преданностью её ремеслу, но если произведённое изделие не продается (или не продаётся по цене, обеспечивающей выживание работницы), то ей придётся изменить свое отношение к своей работе и производить то, что будет продаваться — в темпе, и таким образом, чтобы обеспечить её собственное воспроизводство. Навязывание через рынок общественно необходимого рабочего времени, требуемого для производства товара, является в то же время абстракцией труда, отделением работницы от её процесса производства. Процесс обмена (рыночная операция) навязывает абстракцию, отражающуюся на способе выполнения конкретного труда.

Я пеку торт. Мне нравится печь его, я люблю его есть, я люблю угостить им друзей и я горжусь тортом, который я испёк. И тогда я решаю, что попытаюсь зарабатывать на жизнь выпечкой тортов. Я пеку торты и продаю их на рынке. Постепенно торт становится средством получения дохода, достаточного, чтобы я мог на него жить. Я должен производить торты с определённой скоростью и определённым образом, чтобы поддерживать их цену на достаточно низком уровне для продажи. Наслаждение больше не является частью процесса. Через некоторое время я осознаю, что не зарабатываю достаточно денег, и думаю, что поскольку изготовление тортов в любом случае является лишь средством достижения цели, способом зарабатывания денег, я мог бы также сделать что-то ещё, что будет продаваться лучше. Моё занятие стало совершенно безразличным к его содержанию, произошла полная абстракция от его конкретных характеристик. Предмет, который я произвожу, теперь настолько отчуждён от меня, что мне всё равно, торт это или крысиный яд, до тех пор, пока он продаётся.

Этот пример можно обсудить в терминах отчуждения или абстракции. Моя деятельность (выпекание) отчуждено или абстрагировано, и это отчуждение или абстракция превращают его в труд — деятельность отчуждается или абстрагируется в труд. Таким образом, по существу, абстракция труда, обсуждаемая в «*Капитале*», — это отчуждение труда, обсуждаемое в «*Рукописях 1844 года*»^[5]. Все характеристики отчуждённого труда — факты того, что «работник связан с продуктом своего труда как с чужим объектом» (Marx 1844/1975: 272), «работник относится к своей собственной деятельности как к чужой деятельности, ему не принадлежащей» (там же: 275), факт отчуждения рабочего от его собственного родового существования (того, что делает его человеком), факт его отчуждения от других рабочих и т.д. — всё это повторяется Марксом, критикующим абстрактный труд в «*Капитале*». Аргументация «*Капитала*» опирается на то же различие между людьми и животными, которое является

центральным для *Рукописей 1844 года*. Это целенаправленное действие, которое отличает нас от животных — «пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове». (Марх 1867/1965: 178; 1867/1990: 284). Капитализм лишает нас единства проекта и исполнения, цели и деятельности: поэтому он лишает нас нашей самобытной человечности^[6].

Но всё же есть важный момент в переходе от отчуждённого к абстрактному труду. Понятие абстрактного труда более прямо ставит нас перед основным вопросом — связью между качеством того, что мы делаем, и интеграцией качества в социальный контекст. Отчуждение имеет тенденцию концентрировать наше внимание на самом опыте, тогда как абстракция привлекает наше внимание также к социальному характеру труда — это подводит нас к вопросу социальной сплочённости.

Качество нашей деятельности тесно связано с её социальным характером. Абстракция не является внешней по отношению к самой деятельности. Связь нашей конкретной деятельности с другими деятельностями отражается на ней, формируя её под свою основу. Мы видели это на примере торта — здесь процесс абстракции происходит постепенно, идёт постепенное превращение приятной кондитерской деятельности в труд, совершенно безразличный к своему содержанию, в деятельность, формируемую погоней за деньгами. Это не моральный вопрос, а вопрос стоимости и общественно необходимого рабочего времени. Чтобы продать свой торт, я должен иметь возможность производить его так же быстро и эффективно, как и другие производители тортов. Если я не буду так делать, то я буду вынужден (в связи с моей собственной необходимостью выживать) брать больше денег, чем берут другие пекари за торты такого же качества, и мои потенциальные клиенты будут покупать свои торты в другом месте. Тот факт, что я занимаюсь производством для рынка, заставляет меня производить определенным образом. Абстракция — это абстракция самой деятельности, процесс, благодаря которому я становлюсь безразличным к содержанию своей собственной деятельности. Абстракция — это не просто абстракция обмена, а настоящая абстракция. Связь между абстракцией, подразумеваемой в обмене, и превращением самой деятельности в абстрактный труд, не является полностью автоматическим процессом (подумайте, например, о кооперативах, которые борются за преобразование своих трудовых процессов даже в ходе производства для рынка), но она, безусловно, существует как сильная тенденция или давление.

Я делаю торты, продаю их и на вырученные деньги покупаю пальто. Моя деятельность в качестве кондитера и деятельность портного, который делает пальто, сводятся воедино, но они сводятся воедино через процесс абстракции, через отрицание специфических характеристик выпечки и пошива одежды. Это абстракция, опосредованная деньгами, совершенно не учитывающая тонкостей выпечки и шитья. И так далее, и так далее, и так далее. Здесь мы говорим не только об отношениях между пекарем и портным, но и о том, как действия всех людей связаны друг с другом, и, следовательно, о том, как формируются сами эти действия. То, что делает пробивание дыр в капитализме таким трудным — это сам способ, которым наши деятельности (наша жизнь) сплетаются воедино. Такое плетение достигается не через государство (как может показаться), а через абстракцию труда (государство — не более чем

своего рода защитное покрытие, которое придаёт дополнительную жёсткость плетению абстракции). Так формируется совокупность социальных отношений — социальный синтез формируется за счет абстрагирования деятельности в труд.

Абстракция — это своеобразное капиталистическое сплетение общественных отношений, своеобразное капиталистическое вплетание частного в совокупность. Это процесс, который никто не контролирует. Именно тот факт, что никто не контролирует данный процесс, делает абсолютно необходимым его разрушение — здесь не только отрицание человеческого самоопределения, но также и ясно, что динамика процесса ведёт нас к самоуничтожению. В то же время именно тот факт, что никто не контролирует процесс, делает его столь трудноразрушимым, поскольку он противостоит нам как бесшовная сеть. Эта совокупность социальных отношений, сплетённых в результате выполнения абстрактного труда, является социальным синтезом, который постоянно противостоит нашим трещинам, синтезом, который постоянно возвращает нас к практической конформности, к воспроизводству системы, которую мы хотим сломать.

И всё же именно наша деятельность, наша креативность находится в центре. Именно абстрактный труд составляет всю совокупность общественных отношений. Мы могли бы сказать, что именно обмен связывает всю нашу деятельность вместе, или стоимость, или деньги — и все эти формулировки были бы правильными. И всё же Маркс прав, настаивая на том, что именно двойственный характер труда является «отправным пунктом» понимания. Этот отправной пункт довольно прост, поскольку *мы* и есть отправной пункт. Наша деятельность — это «внутренняя связь» (Marx 1844/1975: 271) между явлениями капиталистического общества. Именно нашей деятельностью мы, люди, создаем общество, в котором мы живем, поэтому важно понимать общество и его потенциал с точки зрения нашей творческой деятельности и его организации, а не только с точки зрения социальных отношений, которые мы создали (стоимость, деньги, капитал и т.д.) — выйти за пределы теории стоимости и дойти до теории того, что создает стоимость — до абстрактного труда. Это то, что Маркс называет критикой *ad hominem* — критикой, которая возвращает все явления обратно к человеческому субъекту, к тому, как организована человеческая деятельность. Если мы сделаем это, мы сможем сломать это^[7].

Обращение к истоку вещей и понимание этого истока, как нашей собственной деятельности, имеет решающее значение. Вспомните предыдущую дискуссию о силе стоимости и о том, как она навязывает нам социальный синтез (раздел 4 Тезиса 9). Этот раздел повергал в депрессию в ходе написания и должен повергать в депрессию в ходе прочтения, поскольку мы чувствуем, что выхода нет. Когда мы открываем для себя стоимость и задаёмся вопросом «что именно производит стоимость?», и видим, что это наша собственная деятельность, наш абстрактный труд — тогда небо становится ближе, мы начинаем видеть торный путь просто потому, что стоимость — это не что-то реально существующее, а просто наша собственная деятельность, возведённая во главу угла. Таким образом, существует огромное различие между анализом, принимающим стоимость в качестве своей отправной точки, и анализом (подобным данному), ставящим во главу угла двойственный характер труда.

И всё же. Анализ всего с точки зрения человеческой деятельности даёт нам ощущение нашей способности создать иной мир, но это (пока что) не освобождает нас. Абстрактный труд, который мы выполняем, вполне реален, он действительно создаёт общество, удерживающее нас в ловушке. Этот социальный синтез, эта совокупность социальных отношений обладают такой спланирующей силой, что кажется, что всё это работает автоматически, действует в соответствии с «законами капиталистического развития». Абстрактное качество капиталистического труда означает, что социальные взаимосвязи формируются за пределами любой формы общественного контроля. Социальный синтез (или совокупность) приобретает свою автономию и выступает против нас, как чуждая сила — его неконтролируемый и неподконтрольный характер наиболее ярко проявляется в постоянном и неистовом движении денег, средстве, через которое самовыражается тотальный социальный характер капитала. Капитализму свойственно существование социальной совокупности в данном смысле — в качестве сплочённой законом силы, независимой от какого-либо сознательного человеческого направления^[8]. Мы создаём эту совокупность, мы плетём сеть, держащую нас в плену; понимание этого помогает нам увидеть, что мы можем перестать плести сеть и делать что-то иное, но совокупность сохраняет свою силу — сеть всё ещё на месте.

Давайте повторим аргумент: мы создаём общество, которое держит нас в плену. В капитализме мы делаем это потому, что способ связи наших действий друг с другом (через обмен), навязывает нам и определенные способы поведения, которые не контролируются ни нами, ни кем-либо еще. То, как наши действия связаны друг с другом, даёт нам иллюзию свободы, но на самом деле наша деятельность сплетает сеть (то, что мы назвали «социальной сплочённостью» или «социальным синтезом»), которую никто не контролирует, которой управляет необходимость производить вещи максимально эффективно, за социально необходимое рабочее время. Именно это имеет в виду Маркс, когда говорит об абстрактном труде (который, как должно быть совершенно ясно, не имеет ничего общего с понятием умственного или нематериального труда).

Но в нашей деятельности есть нечто большее, чем создание этого самого социального синтеза — мы также действуем способами, которые не соглашаются, которые бунтуют, которые не соответствуют, которые противоречат социальному синтезу. Наша деятельность не полностью подчинена абстрактному труду. Иногда кажется, что в жизни нет ничего, кроме абстрактного труда в пользу капитализма — но мы знаем, что это не так, и всё, что мы обсуждали в связи с трещинами, говорит нам, что это не так. Маркс настаивает на *двойственном* характере труда, а не только на абстрактном труде^[9].

Важнейший вопрос, который мы должны исследовать в оставшейся части этой книги — связь между двумя аспектами труда, между абстрактным трудом и тем, что мы назвали *деятельностью* из-за отсутствия лучшего слова. Молодой Маркс ссылается на контраст между отчуждённым трудом и сознательной жизнедеятельностью. Этот контраст можно понимать по-разному — сознательную жизнедеятельность можно понимать как прошлое (потерянный рай) или как будущее (коммунистическая деятельность). Ни одна из этих интерпретаций не является достаточной: само понятие отчуждения не имело бы смысла, если бы мы имели действительный опыта чего-либо, что указывает за пределы отчуждения. Другими словами,

сознательная жизнедеятельность должна каким-то образом относиться к настоящему опыту. Контраст между отчуждённым трудом и сознательной жизнедеятельностью является живым антагонизмом. Однако по отношению к настоящему жизненная деятельность не может быть полностью сознательной, потому что мы не контролируем нашу жизнедеятельность в капиталистическом обществе — это скорее стремление к сознательной жизнедеятельности, сталкивающейся с противоположным движением, отчуждением, лишаящим нашу деятельность сознательного определения. Антагонизм, выраженный молодым Марксом, в таком понимании можно рассматривать как столкновение между стремлением к самоопределению и социальным синтезом, что, как мы видели, является типичным для трещин.

В «*Капитале*» мы делаем шаг вперёд и переходим от отчуждённого к абстрактному труду. Здесь становится ясно, что абстрактный труд есть конституирование социального синтеза, что абстракция есть одновременно отчуждение нашей деятельности и конституирование социальной связи — сплетение капиталистического общества. Однако другая сторона сформулирована менее убедительно, чем «сознательная жизнедеятельность» молодого Маркса. Теперь он называет это «полезным или конкретным трудом». Этот труд является "общим для каждой социальной фазы человеческого существования", "вечным природным условием человеческого существования". Это сразу же ставит нас перед терминологической проблемой, просто потому, что мы знаем следующее: труд, как отдельный вид деятельности, отличный от других видов жизнедеятельности, характерен не для всех обществ. Труд как особая деятельность фактически состоит из абстракции, типичной для капитализма. Поэтому, если мы хотим сохранить понятие человеческой деятельности, являющееся общим для всех форм человеческого существования, мы должны принять более общий термин, такой как «*деятельность*». Термин «полезный» тоже сталкивается с аналогичными проблемами, поскольку чёткое различие между полезной и бесполезной деятельностью также характерно для практической точки зрения, типичной для капитализма. Поэтому представляется предпочтительным думать о двойственной природе труда Маркса как о контрасте между абстрактным трудом и *конкретной деятельностью*. Таким образом, конкретная деятельность — это деятельность, являющаяся общей для всех фаз человеческого существования, но на разных фазах существующая в разных формах. В капиталистическом обществе конкретная деятельность существует в форме абстрактного труда.

Главным вопросом являются не используемые нами термины, а различие между двумя аспектами человеческой деятельности и отношениями между ними. Аргумент, который следует здесь развить, состоит в том, что отношение между двумя аспектами труда (или деятельности) есть отношение неидентичности, несоответствия, живого антагонизма: существует постоянный живой антагонизм между абстрактным трудом и конкретной деятельностью. Этот пункт занимает центральное место в аргументации данной книги и идет вразрез с подавляющим весом традиции, которая, как мы увидим позже, рассматривает это отношение как непроблематичное. Речь идёт, с одной стороны, о постоянном бунте человеческой деятельности против ограничений абстрактного труда, о постоянном напряжении между нашей созидательной мощью и тем, как эта мощь формируется через господство стоимости (правило общественно необходимого рабочего времени). С другой стороны, она опирается на понимание диалектического соотношения формы и содержания у Маркса и в жизни. Сказать,

что нечто существует в форме чего-то другого, означает, что оно существует в этой форме, но не содержится в ней без остатка: оно переполняет форму, или существует как в ней, так и в противопоставлении ей, и вне её. Предполагать, что конкретная деятельность существует просто в форме абстрактного труда, значит одновременно отрицать это диалектическое отношение и закрывать глаза на антагонизм повседневного опыта.

Мы можем выразить это другими словами, сказав, что отношение между конкретной деятельностью и абстрактным трудом является экстатическим^[10]. Конкретная деятельность — это исступление абстрактного труда: исступление как эк-стаз, стоящий вне абстрактного труда, но существующий внутри него, стоящий снаружи как действительная и потенциальная инаковость. Я учитель и занимаюсь производством рабочей силы для продажи на рынке, но в то же время я призываю своих студентов критически относиться к обществу. Я медсестра в частной больнице и произвожу прибыль для своих работодателей, но в то же время я стараюсь помочь своим пациентам пережить некоторые из самых трудных моментов их жизни. Я работаю на сборочном конвейере на автозаводе, и в любые несколько свободных секунд, которые у меня появляются, я занимаю свои пальцы репетицией аккордов, которые я буду играть на гитаре сегодня вечером в группе. Я работаю на швейной машинке, производя джинсы, но мои мысли где-то далеко, и заняты отделкой новой комнаты для меня и моих детей. Я студент, упорно работающий, чтобы получить хорошие оценки на своих экзаменах, но я хочу найти способ повернуть свою учёбу против капитализма и к созданию лучшего мира. Во всех этих случаях существует положение вне капиталистического труда, проекция против моей ловушки внутри абстрактного труда — и за её пределами. Существует конкретная деятельность, существующая внутри, в противопоставлении и за его пределами противопоставлении и за его пределами, существующая в экстатическом отношении к абстрактному труду. Она уже выходит за рамки абстрактного труда — как проекта, так и реальной практики. Это экстатическое отношение является предметом повседневного опыта, а не изобретением левых интеллектуалов, это не привилегированный опыт преданных борцов. Именно из этого вне-стоящего (этого эк-стазиса) будет рождён иной мир — или он вообще не будет рождён^[11]. Это экстатическое пространство — пространство достоинства, сущность трещин^[12].

В дальнейшем мы сосредоточимся прежде всего на значении абстрактного труда, на том, что создаёт социальную сплочённость, удерживающая нас в ловушке, а затем перейдём к другой стороне.

1. Обратите внимание, что более поздний (и сейчас более широко используемый) английский перевод от издательства Penguin, сделанный Беном Фауксом, не выражает данную мысль с той же силой: «этот момент имеет решающее значение для понимания политической экономики» (Marx 1867/1990: 132). Мне кажется, что более старый перевод Сэмюэля Мура и Эдварда Авелинга ближе к немецкому оригиналу: «Da dieser Punkt der Springpunkt ist, um den sich das Verständnis der politischen Ökonomie dreht ... » (Marx 1867/1985: 56). В этой книге

я продолжу цитировать более ранние переводы, но также буду ссылаться и на более позднее, более доступное издание. [↗](#)

2. Маркс продолжает «2) исследование прибавочной стоимости *независимо от ее особых форм*: прибыли, процента, земельной ренты и т.д.», но здесь это нас не касается. Обратите внимание, что Маркс также видел в этом свой особый вклад: «Я первым указал на это и критически исследовал двойственную природу труда, содержащегося в товаре» (Marx 1867/1965: 41; 1867/1990: 132). [↗](#)
3. Маркс также использует термин «самостоятельная деятельность» для обозначения «сознательной жизнедеятельности». По всем вопросам терминологии см. полезное обсуждение в Arthur (1986), гл. 1. [↗](#)
4. Очень полезное обсуждение недавних дебатов по абстрактному труду см. у Bonefeld (2010). [↗](#)
5. Обсуждение, которое приходит к аналогичным выводам, см. у Postone (1996: особ. 158 и далее). [↗](#)
6. Аргумент о том, что между человеком и другими животными не существует существенного различия (и что поэтому Марксово различие между архитектором и пчелой должно быть отвергнуто), кажется мне опасным. Не овцы или лошади разрушают перспективы жизни на земле, а мы, люди. Поэтому мы несём особую ответственность за попытку остановить это разрушение. Короче говоря, люди обладают творческой и разрушительной силой, которая отличает нас от других животных. Об этом см. Wilding (2008) и особенно Wilding (2010). [↗](#)
7. См. у Postone (1996: 162): «Структуры абстрактного господства, создаваемые определенными формами социальной практики, порождают социальный процесс, находящийся вне человеческого контроля; но они также порождают, согласно анализу Маркса, историческую возможность того, что люди могли бы контролировать то, что они создали социально в отчужденной форме». [↗](#)
8. В этом смысле см. также Postone (1996: 158). [↗](#)
9. Удивительно, но даже те авторы, которые настаивают на важности, которую Маркс придаёт двойственному характеру труда, продолжают концентрироваться исключительно на одной стороне этого двойственного характера: на абстрактном труде. [↗](#)
10. В общем, мы можем сказать о Марксе, что отношение между формой и содержанием есть экстатическое отношение: форма содержит и не содержит содержание. Содержание существует в самой форме, в противопоставлении ей и за её пределами, переполняя её. [↗](#)
11. Можно сказать, что нерождённый ребенок в последние дни беременности является экстазом своей матери: он уже существует не только внутри, но и против-и-вне своей матери. [↗](#)

12. Крис Карлссон (Chris Carlsson 2008: 39) хорошо выражает эту идею в названии одной из глав своей книги «Nowtopia»: «То, что ты видишь в моей деятельности — это не то, что я делаю». Он развивает эту тему, указывая на всё более "раздвоенную" природу жизни: «Трудно или невозможно зарабатывать на жизнь многими вещами, которыми люди действительно хотят заниматься (например, искусством, танцами, музыкой, историей, философией), и поэтому число людей, живущих раздвоенной жизнью, постоянно растёт. С одной стороны — насущная необходимость зарабатывать деньги, с другой — творческое стремление найти полноценную работу, независимо от того, оплачивается она или нет ... Капитал — это отношение социальной власти, которое искажает человеческие отношения по своей извращённой логике, но сталкивается с постоянным сопротивлением ... Люди сопротивляются этим силам в своей обычной повседневной жизни, создавая пространства автономии, в которых они действуют согласованно вне (и часто против) попыток капитала превратить их деятельность в товар». Он говорит о ядре своей книги как о «полубессознательной войне между этими жизнеутверждающими, самоэмансипирующими поведением и принудительным господством денег, собственности и выживания среди надуманного дефицита» (там же: 42).